

Глава VIII. Колонна

«Дуррути»

По мере продвижения колонны в сёлах, через которые пролегал её путь, у обочин дорог собирались люди, чтобы посмотреть на ход каравана. Многие, узнав Дуррути, восклицали:

«Этот не может быть командиром! У него на форме нет нашивок!» Другие, более осведомлённые, отвечали: «У анархистов нет начальников, поэтому он не носит нашивок».

В других населённых пунктах крестьяне радостно встречали колонну, громко приветствуя её членов и НКТ-ФАИ. Где бы ни останавливалась колонна, крестьяне окружали бойцов. Дуррути выходил из машины, чтобы поговорить с людьми:

«Вы уже организовали коллективное хозяйство? Не медлите! Занимайте земли! Организуйте на них работу так, чтобы не допустить ни начальников, ни бездельников. Если вы этого не сделаете, бесполезно двигаться нам вперёд. Нам надо устроить новый порядок, отличный от того, который мы сейчас разрушаем. Если мы не добьёмся этого, молодёжь будет напрасно погибать на полях сражений. Цель нашей борьбы — революция»⁸⁵.

Так, пока колонна шла вперёд, на линию фронта, чтобы сразиться с фашистами, зарождался новый мир — именно он являлся целью сражения.

В Каспе состоялся первый бой с фашистами. Капитан Гражданской гвардии Негрете контролировал этот посёлок. С 23 июля значительная группа «мильсьянос», на свой страх и риск выступившая из Барселоны, схватилась с противником; среди них находились братья Субиратс. Сражение уже достигло накала, когда к местности подошла колонна и помогла освободить Каспе. После этой победы ряды Колонны пополнились, и она продолжила свой путь, оставляя за собой деревни: Фрага, Кандаснос, Пеньяльба, Ла Альманда и другие. 27 июля вошли в Бухаралос, где временно был организован Военный комитет⁸⁶.

На следующий день, колонна двинулась по направлению к Эбро. Она должна была пройти через Пину и Осеру, чтобы дойти до Сарагосы. Вскоре, в нескольких километрах от Бухаралоса, колонне впервые пришлось столкнуться с военной действительностью. «Мильсьянос» подверглись атаке фашистских самолётов, началась бомбардировка. Ряд бойцов поддавался панике, люди в страхе обратились в бегство. Их реакцию можно было понять. Бомбардировка нанесла большой ущерб: двенадцать убитых и более двадцати раненых, среди них — артиллерийский командир Клаудин, под началом которого были три артбатареи колонны.

Группа участников колонны инстинктивно преградила дорогу бегущим и решительно воспрепятствовала распространению паники и возможному отступлению каравана. В результате этого замешательства Дуррути стало ясно, что предпочтительнее было ретироваться, разведать о дислокации противника и таким образом избежать ловушки. Когда колонна двинулась назад в Бухаралос, на одном из грузовиков Дуррути увидел Эмилианне — она вступила в ряды «милисьянос». Улыбаясь, он посмотрел на неё, не говоря ни слова.

Мими пишет об этой встрече:

«Там, в этом местечке (Бухаралос), теперь уже историческом, мы встретились после двух недель разлуки. После первых впечатлений и эмоций тотчас же принялись за организацию штаба колонны. В сырой и тёмной комнате мы начали работу; без какого-либо материала организовали первую административную структуру этой колонны в тысячу человек, которая вскоре быстро увеличит свой состав. Именно в этом маленьком селе, бедном и простом, было положено начало организации нашей колонны, поначалу с большими недостатками, но потом, постепенно, она была готова отвечать огромным потребностям нескольких тысяч бойцов»⁸⁷.

В целом же республиканские колонны в Каталонии и Арагоне состояли из следующих частей:

1. «Буэно» (маленькая колонна, почти весь её личный состав приходился на каталонцев из партии Левых республиканцев Каталонии).
2. «Ленин» («милисьянос» из ПОУМ и группа интернационалистов).
3. «Аскасо» (важная по значению колонна, состоящая из «милисьянос» НКТ-ФАИ и военных подразделений из Барбастро. Делегат — Грегорио Ховер).
4. «Агилучос» («милисьянос» НКТ-ФАИ. Делегат — Гарсия Виванкос).
5. «Карл Маркс» («милисьянос» ОСПК. Делегат — Хосе дель Баррио).
6. «Маурин» («милисьянос» из ПОУМ, в основном рабочие из Лэриды. Делегат — Хосе Ровира).
7. «Дуррути» (рабочие НКТ-ФАИ. Делегат — Буэнавентура Дуррути).
8. «Сур-Эбро» (рабочие НКТ-ФАИ. Делегат — Антонио Ортис).
9. «Пеньяльвер» (маленькая колонна из Таррагоны, в составе рабочих и военных. Делегат — Пеньяльвер).
10. «Мена» (маленькая колонна из Таррагоны. Делегат — Мена).

Две последние колонны присоединились к «Сур-Эбро» и к «Масиá-Компанис», эта последняя — под командованием Переса Саласа. По возвращении в Бухаралос, Дуррути и Перес Фаррás впервые поспорили. Профессиональный военный, Перес Фаррás не одобрял методов Дуррути и, воспользовавшись недавней неудачей, порекомендовал перестроить колонну и пересмотреть план атаки на Сарагосу. Будь эти советы даны при других обстоятельствах, Дуррути согласился бы с такими замечаниями, но тут его гордость была глубоко задета: он понял, что такая критика не была беспристрастной, а исходила из неприятия анархистских методов. Дуррути ответил, что любой человек в этой ситуации поддастся бы панике. Однако отличие состояло в том, «что те, которые сегодня бежали, завтра будут храбро сражаться, но в том случае, если их реакция будет понята должным образом: как реакция рабочих, захваченных врасплох, а не солдат, в страхе отступающих перед врагом»⁸⁸.

С балкона муниципалитета Бухаралоса Дуррути обратился к бойцам своей колонны, собравшимся на площади. Его речь была жёсткой — быть может, как вспоминает один из слушателей, самой суровой за всё время военной деятельности Дуррути.

«Друзья, никто из вас не вступил в эту колонну под принуждением. Вы сами избрали этот путь, и судьба первой колонны НКТ и ФАИ незавидна. Гарсия Оливер сказал об этом по радио, ещё в Барселоне: мы выходили к Арагону с целью взять Сарагосу или умереть в бою. Я повторяю вам то же самое: лучше умереть, чем отступить. Сарагоса под контролем фашистов; и в ней сотни, тысячи рабочих живут под прицелом винтовок, готовых в любую минуту разрядиться и поразить наших братьев. Для чего же мы вышли из Барселоны? Разве не для того, чтобы освободить их? Они ждут нас, а мы обращаемся в бегство при первом натиске врага! Так мы, впадая в панику от штурма трёх самолётов, показываем всему миру и нашим товарищам свою храбрость!

Буржуазия не позволит нам построить либертарный коммунизм только потому, что мы этого сильно хотим. Буржуазия будет сопротивляться, ведь она встаёт на защиту своих интересов и привилегий. Только путём сокрушения буржуазии мы сможем основать либертарный коммунизм. Наша дорога к идеалу верна, но надо идти по ней с мужеством. Крестьяне в сёлах, через которые мы прошли, уже начали претворять в жизнь нашу теорию; они вооружились, думая о защите своего урожая. Если мы освободим путь противнику, то это будет означать, что крестьянская инициатива бесполезна, и хуже всего то, что победители расправятся с ними за их смелые поступки. Именно в этом заключается смысл наших боёв. Наша борьба сурова и не похожа ни на одно из прошлых сражений. Сегодняшнее событие — просто предупреждение. Теперь борьба начнётся по-настоящему. На нас пошлют тонны шрапнели, а мы будем вынуждены защищаться ручными гранатами и даже ножами. По мере того, как противник будет чувствовать себя загнанным в угол, он, как бешеный зверь, попытается нанести удар. И укусы его будут сильны. Но пока ещё не наступил этот момент, и сейчас он сражается, чтобы не пасть разгромленным под тяжестью нашего оружия. Более того, Германия и Италия помогают нашим противникам, а у нас всего лишь есть вера в идеалы, но об эту веру обломали зубы все репрессии. И сегодня она тоже сокрушит фашизм. Мы добились успеха в Барселоне и должны извлечь пользу из этой победы. Если мы не сделаем этого, наш противник с помощью немцев и итальянцев станет сильнее нас и применит к нам суровый закон для побеждённых.

Наша победа зависит от быстроты наших действий. Чем быстрее мы атакуем, тем больше у нас шансов на успех. До сих пор победа была на нашей стороне, но мы не сможем закрепить её, если немедленно не возьмём Сарагосу... Завтра не должно повториться то, что произошло сегодня. В рядах НКТ и ФАИ нет трусов. Мы не хотим в нашей колонне людей, паникующих при первых залпах... Я прошу тех, кто сегодня в страхе отступил, препятствуя продвижению колонны, оставить своё оружие, передавая его в более твёрдые руки... Мы останемся и продолжим наступление. Войдём в Сарагосу, освободим рабочих Памплоны и пожмём руки нашим товарищам, шахтёрам из Астурии. Мы победим и принесём новый мир в нашу страну. А тех, кто вернётся домой после этих боёв, я прошу не говорить никому о том, что случилось сегодня... стыд переполняет нас»⁸⁹.

Один из присутствовавших в те моменты рассказывает:

«Никто не сдал своё оружие, но те, кто в панике бежал, плакали от злости к себе. Урок был суровым, но тогда эти люди родились заново. Многие из них стали прекрасными герильерос, и многие погибли в те тридцать два месяца отчаянных сражений»⁹⁰.

«Колонна “Дуррути” взяла курс на Эбро, после упорных боёв заняла деревни Пина и Осера. Продвинулась до Сарагосы, не доходя до города двадцати километров. Остановилась перед рекой, и также по причине сопротивления воинских подразделений арагонской столицы колонна “Дуррути” укрепила позиции эффективной сетью траншей и пулемётных гнёзд на своей внешней линии. Центральный комитет милиций отдал приказ колонне приостановить наступление и закрепиться, чтобы дать время колонне “Ортис”, на юге Эбро, занять Кинто и Бельчите. Несколько дней до того силы этой колонны форсировали реку и в посёлке Кинто взяли в плен кавалерийское подразделение, его капитана и двух лейтенантов, отражая довольно частые атаки мятежников из Сарагосы.

Информация, полученная этой колонной, оказалась очень кстати. Почти каждую ночь из Сарагосы бежали рабочие, и в город входили вооружённые “милисьянос”. Так мы смогли получить сведения о том, что многие наваррские офицеры получили военную подготовку и что в конце июля генерал Герман Хиль Юсте сменил генерала Кабанельяса на посту командующего V дивизией»⁹¹. Важность предыдущей цитаты заключается в том, что она окончательно проясняет, откуда вышел приказ задержать продвижение колонны к Сарагосе и задержаться в 20 км от города. Все военные советники совпадали во мнении: необходимо было подождать подхода колонн, выходящих из Барселоны, чтобы предпринять фронтальную атаку на Сарагосу. Дуррути после обсуждения в Бухаралосе обстановки с полковником Вильяльбой (офицером, доверенным лицом ЦКАМ в Арагоне) и другими военачальниками, видимо, согласился с таким решением, укрепляя тем временем свои позиции после взятия сёл Пина и Осера и занимаясь перестройкой колонны. Тем не менее наиболее выдающиеся активисты Арагона, как, например, Хосе Альберола, высказали мнение: решение приостановить атаку на Сарагосу было ошибкой. Они приводили следующие доводы: первый — использование психологического момента триумфа в Барселоне и Каталонии, и второй — атака не должна быть фронтальной, а через Калатаюд, слева от Сарагосы и через Тардиенту — справа⁹².

Позднее, когда стала очевидной невозможность взятия Сарагосы, Дуррути пришлось признать свою ошибку. Он оправдывал свои действия тем, что потери колонны при атаке могли бы быть огромными, что делало ненужными жертвы товарищей, входивших в состав колонны.

В Барселоне Центральный комитет антифашистских милиций продолжал работу над организацией колонн. Была готова «Роха и Негра» (также носящая имя «Сур-Эбро») под началом делегата Антонио Ортиса, рабочего-краснодеревщика и члена группы «Мы», и военного советника — команданте Фернандо Салаверы Кампоса. Задачей этой колонны было занятие области на юг от реки Эбро. Она вышла из Барселоны 25 июля, насчитывая приблизительно 2000 человек личного состава и три артбатареи.

26 июля вышла колонна «Дель Баррио» (ОСПК)93, под началом делегата — Дель Баррио — и командира пехоты — военного советника Саканеля. Его личный состав также равнялся приблизительно двум тысячам солдат, и на вооружении было три артиллерийские батареи. Её задача, согласно Центральному комитету антифашистских милиций, состояла в занятии участка между городом Тардиента и горной цепью Алькубьерре и организации командного пункта в Граньене. Кроме того, она должна была занять Уэску на юге и войти в Суэру. Эта колонна обладала особой чертой: в ней сражалась группа иностранцев, то были немцы-антифашисты, вынужденные мигранты, которые приехали на открытие Народной олимпиады, планируемое на 19 июля. Эта немецкая группа называлась «Тельман», и ею руководил Ханс Баймлер, известный активист немецкой компартии.

25 июля также вышла колонна «ПОУМ», под командованием Хосе Ровиры и с военным советником, бывшим капитаном, итальянцем Руссо. Её личный состав насчитывал 2000 человек и то же самое артиллерийское снаряжение. Она заняла позиции на севере от колонны «Дель Баррио» и организовала командный пункт в селе Лесиньена.

Кроме упомянутых колонн, также были организованы другие, не столь важные. Одна из них была создана в местности, где намечалось действие Антонио Ортиса. В её состав входили арагонцы, сбежавшие из Сарагосы; ею командовал Сатурнино Карод, член НКТ. Наряду с этой группой существовала другая, под руководством анархиста Иларио Саморы, прибывшая из Лериды. Эти две группы присоединились к колонне «Ортис». Также немного погодя поступили 600 солдат, прибывших из Таррагоны, под началом полковника Мартинеса Пеньялвера; тот в конце концов решил вернуться в Барселону, так как, по его словам, не нашёл общий язык с анархистом Ортисом.

Тем временем в Уэску прибыли маленькая колонна «ПОУМ» и колонна «Аскасо», с делегатами — Грегорио Ховером и Доминго Аскасо, братом Франсиско. Эти части вместе с колонной из 3000 солдат под началом полковника Вильяльбы с командным пунктом в Барбастро начали осаду Уэски94.

Колонна «Дуррути», практически парализованная, слегка продвинула свои позиции до Пины и Осеры, расположив свой командный пункт в магазинчике под названием Санта Люсия, на главном шоссе Сарагосы, в самом сердце Лос Монегрос, житницы Арагона. К первым числам августа колонна «Дуррути» имела такую структуру:

Военный комитет. Дуррути, Рикардо Рионда, Мигель Йолди, Антонио Кареньо и Луис Руано. Главное подразделение — группировка — состояла из 5 центурий, по 100 человек каждая, разделённые на четыре группы по двадцать пять. Каждая из этих структур возглавлялась делегатом, избранным по коллективному принципу, который мог быть отозванным в любой момент. Ответственность представителя не давала ни права на привилегии, ни иерархии в управлении.

Военно-технический совет. Его составляли военные (офицеры), состоящие в рядах колонны. Их представителем был команданте Перес Фаррас. Задачей этого Совета было оказание поддержки Военному комитету. Не располагал никакими привилегиями, а также иерархией правления.

Автономные группы. Группа Интернационалистов (французы, немцы, итальянцы, марокканцы, англичане и американцы) насчитывала приблизительно 400 человек. Её делегатом, действующим в контакте с Военным комитетом, был капитан артиллерии француз Бертомье; в сентябре он погибнет в бою.

Группы герильерос. Их целью была линия противника. В их состав входили: «Дети ночи», «Чёрная банда», «Динамитчики», «Металлурги» и другие.

Стратегия. Недостаток оружия и боеприпасов ограничивал деятельность Колонны; линия обороны на подступах к Сарагосе тянулась на 78 км, от Велильи-де-Эбро до Монте-Оскуро (Лесиньена). Она действовала как линия наступления посредством вылазок герильерос, которые нападают неожиданно и, захватывая позиции противника, обеспечивают постепенное укрепление оборонной линии Колонны. К середине августа насчитывала приблизительно 6000 человек.

Вооружение. 16 пулемётов (большинство были захвачены у противника), 9 миномётов и 12 артиллерийских орудий. 3000 винтовок — это означало, что не мог быть задействован весь личный состав.

Образ жизни. Колонна представляла собой образ бесклассового общества, за которое и шла борьба. Около колонны создавались крестьянские коллективные хозяйства, которые упразднили деньги, оплачиваемых работников и частную собственность. Члены колонны, которые из-за нехватки оружия не могли участвовать в боях и ожидали своей очереди в траншеях, помогали крестьянам в их труде. Так боролись с паразитизмом, присущим солдатской жизни.

Дисциплина. Она основывалась на понятии добровольного вступления в колонну: на основе обоюдного согласия и классовой солидарности. Приказы отдавались товарищами. Делегаты не имели никаких привилегий. Принцип прав и обязанностей понимался одинаково. Моральное принуждение социального окружения заменяло наказания военных законов.

Культурная работа. Отделы культуры гарантировали общее образование. Существовала радиостанция, которая распространяла тексты и лекции на различные темы, а также передавала призывы солдатам, сражающимся в рядах франкистов. Брошюра, выпускаемая в походной типографии, установленной на грузовике, информировала о жизни колонны и

одновременно служила своеобразным ящиком для рекомендаций и критических замечаний.

Вокруг Военного комитета образовались различные отделы и службы, например, административные, где работало несколько человек, среди них — Эмилианн Моран. Пекарня обеспечивала хлебом всю колонну, она работала под началом братьев Субиратс. Автомобильный парк и обслуживание техники, ответственный — делегат Антонио Рода. Прекрасная санитарная служба, в её составе работали врачи Сантамария и Фрайле, а также команда медсестёр, некоторые из них прибыли из-за границы, — в знак солидарности с испанской революцией.

Структура и организация колонны возникали по мере её деятельности; отмечалось то, что не подходило, и на его месте создавали структуры, которые лучше исполняли нужные функции. Это был экспериментальный процесс, начатый 22 июля, когда наметились первые контакты между добровольцами, приходящими в профсоюзы. Невозможно было определить автора, так как колонна создавалась в процессе всеобщего творчества, в нём каждый приносил свою инициативу⁹⁵.

Далее мы излагаем описание разделения на сектора и группы, а также список соответствующих делегатов на протяжении всех 78 километров линии фронта: от Велильи вплоть до Алькубиерре:

Первый сектор. Делегат Руано.

1. Группировка (пять центурий). Делегат Хосе Мира.
 2. Группировка (пять центурий). Делегат Либерто Ройг.
 3. Группировка (пять центурий). Делегат Хосе Эсплугас. Второй сектор. Делегат Мигель Йолди.
 4. Группировка (пять центурий). Делегат Хосе Гомес Талон.
 5. Группировка (пять центурий). Делегат Хосе Тарин.
 6. Группировка (пять центурий). Делегат Х. Сильвестре. Третий сектор. Делегат Мора.
 7. Группировка (пять центурий). Делегат Субиратс.
 8. Группировка (пять центурий). Делегат Эдо.
 9. Группировка (пять центурий). Делегат Р. Гарсия.
- Группа Интернационалистов. Делегат Луи Бертомье.

Состав: 5 групп по 50 человек. Всего: 250.

Делегаты: Ридель, Фортан, Шарпентье, Коттан и Карлес.

Заключение

Генеральный делегат центурий: Хосе Эсплугас; группировок: Мигель Йолди; секторов: Рионда (Рико); артиллерии: Мигель Ботет; танков (бронемашин): Бонилья.

Военные советники: команданте Перес Фаррас и сержант Мансана.

Генеральный делегат колонны: Буэнавентура Дуррути.

Военный комитет: Мигель Йолди, Хосе Эсплугас, Рионда, Руано, Мора и Дуррути.

Ответственный за информацию Военного комитета: Франсиско Кареньо.

Военные советники: команданте Перес Фаррás и артиллерийский сержант Мансана, капитаны артиллерии Ботет и Карсильер⁹⁶.

Глубокий революционный процесс в Испании привлёк в страну огромное количество самых разных людей: активистов, интеллектуалов, журналистов, политиков, историков, и, конечно же, интриганов и авантюристов. Большинство из них мыслили по шаблону, в рамках которого намеревались оценивать события в Испании. Поэтому, совсем не зная ни истории нашей страны, ни причин этой войны, они судили обо всём свысока, наблюдая за испанцами, как за редкими насекомыми. К этому предрассудку прибавлялся тот факт, что анархизм, захиревший во всём мире, в Испании находился в бодром состоянии. Таким образом, в силу того, что ошибочное понимание анархизма было широко распространено, представлялось невозможным, что в Испании он мог играть такую важную роль и быть преобладающей организационной силой. Кроме того, по причине исторического совпадения в Испании возродился давний спор Карла Маркса и Михаила Бакунина, начавшийся семьдесят лет назад. Было логично, что последователи Карла Маркса стояли за сектаризм и исполняли приказы Сталина очернять всё, что не было создано именно ими, в особенности если воплощателями идей являлись анархисты. В конкретном случае линии фронта в Арагоне по отношению к организации милиций элементы, подчиняющиеся линии сталинистов или троцкистов, попытались придать милициям военный характер, но были вынуждены отказаться от этой идеи в силу сопротивления самих «милисьянос», хотя они и не были добровольцами. ПОУМ предпринял попытку ввести жизнь милиций в рамки военного свода законов, однако должен был отступить⁹⁷.

Арагон, его четыреста сельскохозяйственных кооперативов и шестнадцать тысяч бойцов НКТ-ФАИ изменили лицо своей земли в том, что касалось общественных отношений, и не было пути назад. «Военная» структура милиций не удовлетворяла иностранных посетителей, которые считали её неэффективной и обречённой на провал. Кольцов⁹⁸, русский корреспондент большевистской газеты «Правда» из Москвы, посетивший Арагонский фронт в середине августа, поднимет на смех систему пролетарских милиций, равно как и его буржуазные коллеги. Тем не менее писатели и другие деятели, обладающие более серьёзным пониманием проблем Революции, отдали должное этим революционным силам, которые заставили отступить мятежные войска.

Среди таких важных по значению свидетельств самым примечательным является рассказ Джорджа Оруэлла, который сражался в Арагоне, и не обязательно в рядах анархистов:

«Журналисты, подшучивавшие над системой милиций, не всегда помнили, что именно “милисьянос” сдержали натиск противника, в то время как Народная армия подходила подготовку в тылу. И сам тот факт, что милиции постоянно находились на линии фронта, является данью мощи революционной дисциплины, так как вплоть до июня 1937 года только верность своему классу было единственным чувством, заставлявшим их оставаться на боевых позициях».

Оруэлл мог бы даже задать этим журналистам более конкретный вопрос: «Что могло произойти, если бы эти “милисьянос” в первые моменты военного мятежа, вместо того чтобы выйти на Арагон, собрались бы в гарнизоне с целью обучения “военному делу” и маршировке. Не надо иметь семь пядей во лбу, чтобы понять следующее: 20 июля, после роспуска армии Республикой и перехода трёх четвертей офицерского состава на сторону противника, мятежники заняли бы территорию Испании в 24 часа, так как не существовало какой-либо армии для воспрепятствования этому. Именно милиции, как смогли, сдержали натиск повстанцев. Когда уже через год сражений была более или менее организована армия с просочившимися в неё сталинистами, тогда, как пишет Оруэлл, начались нападки не на сами милиции, а на те основы, которые послужили их организации.

«Потом вошло в моду критиковать милиции и утверждать, что просчёты по причине нехватки вооружения и военной подготовки являлись результатом уравнилельной системы... На практике революционный стиль дисциплин заслуживает большего доверия... В армии из рабочих дисциплина должна существовать на добровольном начале. В рядах милиций злоупотребления, обычные в армии, не прижились бы ни на минуту... Военные наказания имели место, но их применяли лишь в самых крайних случаях... Революционная дисциплина зависит от политического сознания, от понимания, “почему” должно подчиняться приказам; нужно время для укрепления такой дисциплины, но также нужно время для того, чтобы в казарме из человека сделать автомата... В милициях попытались создать нечто, похожее на бесклассовое общество...»⁹⁹.

В первые дни августа, хотя тут и нельзя говорить о бездействии, предпринимаемая деятельность не удовлетворяла Дуррути. Не для него было сидеть на месте, или проводить время в безобидных разговорах, которые обычно имеют место, когда ожидают нечто, а оно всё не наступает. Он переезжал с одного пункта на другой, посещая авангардные позиции и интересуясь всеми подробностями, которые могли донести информацию о передвижениях противника. Рассвет был для Дуррути самым важным моментом, потому что в эти часы прибывали товарищи, ранее отправившиеся в разведку в лагерь противника или в Сарагосу. Их сведения служили для укрепления линии обороны, а когда носили общий характер, то их направляли в Центральный комитет антифашистских милиций¹⁰⁰.

Вылазки во вражеский стан также приносили свои плоды: иногда удавалось захватить языков, подорвать динамитом позиции противника или добыть оружие и боеприпасы, которых катастрофически не хватало. Однако этого было мало, чтобы удовлетворить Дуррути. Именно в те дни он обратил внимание на крестьянские коллективы, которые возникали с удивительной быстротой на всей освобождённой арагонской земле. Между крестьянскими кооперативами на той местности, где расположилась колонна, и бойцами установились самые братские отношения¹⁰¹.

Крестьяне приходили в колонну. Они приносили продукты или просили Дуррути посетить их хозяйства, чтобы составить мнение о ходе работы. Дуррути в основном охотно соглашался и, когда ему не удавалось, посылал Каренью или другого товарища из колонны, с тем чтобы те могли рассказать об успехах посещённого кооператива. Во время таких визитов в различные крестьянские общины Дуррути понял важность коллективного труда для хода революции и также оценил опасность для коллективистской экспансии в случае неудачи в образовании

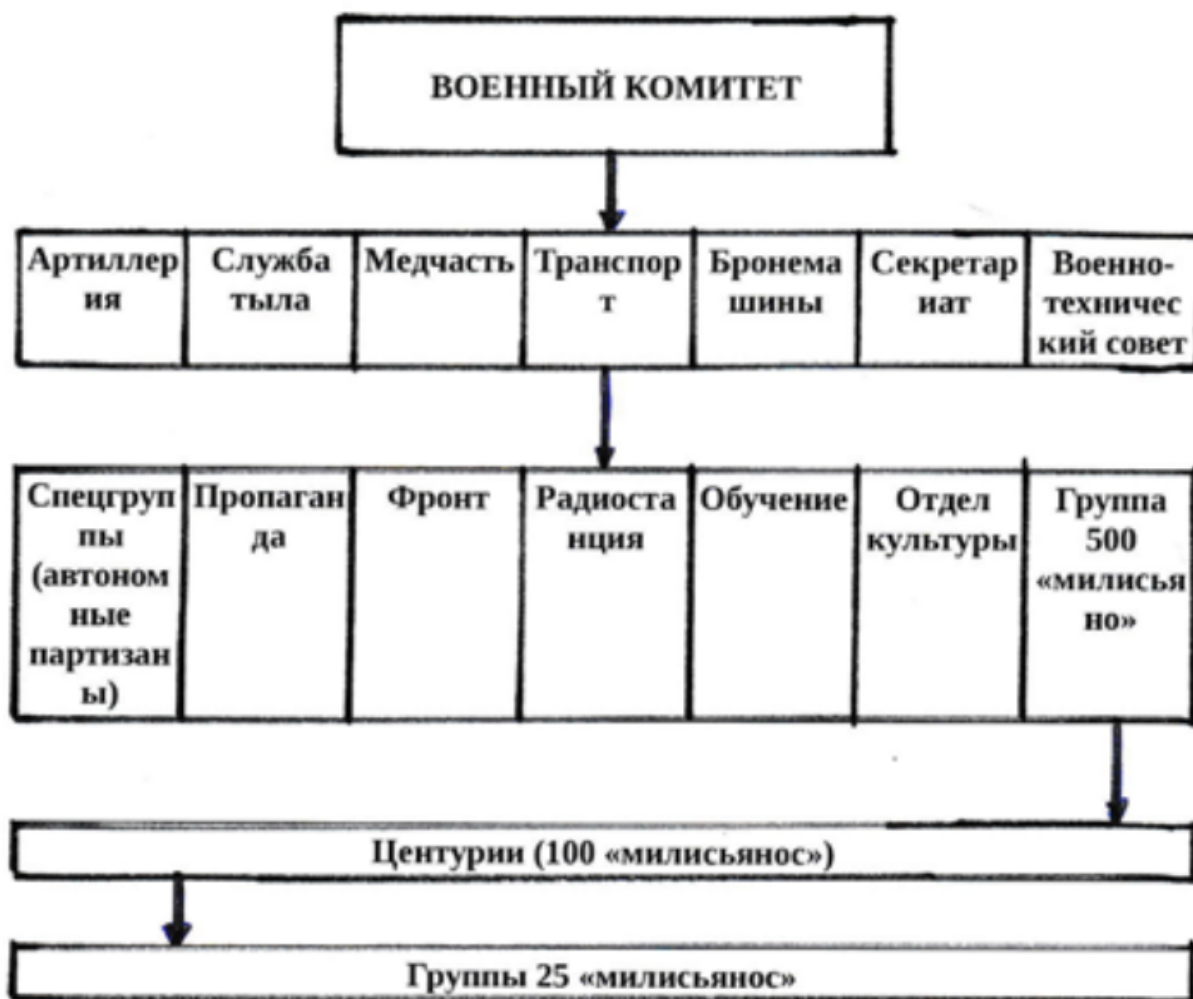
единой силы. Он посоветовал крестьянам создать федерацию, которая бы включила все кооперативы, организованные в Арагоне. «Такая федерация, — сказал он, — не только придаст вам организационную силу, но также позволит вместе создать планы для основания социалистической либертарной экономики». Для Дуррути это представлялось очень важным, так как участники сталинистских колонн делали всё возможное, чтобы помешать существованию кооперативов. Дуррути считал, что, создав федерацию, он получит новые условия, в которых солидарность между крестьянами станет наилучшим оружием против врагов кооперативизма.

Однажды, вернувшись из одного из таких коллективов, он предложил Военному комитету рассказать «милисьянос» об их работе, чтобы они, вместо сидения сложа руки, помогли крестьянам в уборке урожая пшеницы. Кроме того, наиболее подготовленные товарищи могли бы обсудить с крестьянами идеи либертарного общества и его экономических организаций. Собрали воедино ряд инициатив и направили их в формате листовки на обсуждение в Центуриях, с тем чтобы все осознали новое дело, зарождающееся в Арагоне. Результаты этой инициативы оказались весьма положительными. Первыми пришли группы молодёжи, чтобы добровольно приступить к работе бойцов и одновременно производителей. Так начиналось то, что вскоре определится как Федерация коллективов Арагона, в рамках Совета обороны Арагона.

Но не всё было идиллией. Война существовала со всей её жестокостью, и Дуррути был первым, кто осознал это в большей степени, потому что тот образ жизни, который навязывает война, в конце концов разлагает даже самого убеждённого революционера. «Человек создан не для засады и убийства, а для жизни, да, жизни! — иногда восклицал Дуррути, делая громадные шаги по залу, где расположился Военный комитет. — Если такая ситуация будет продолжаться, она покончит с революцией, потому что человек, выживший в этой борьбе, больше будет походить на зверя, чем на человека... Нам надо спешить, действовать быстрее, чтобы покончить со всем как можно раньше»¹⁰².

Эти размышления порождали в Дуррути всепоглощающее нетерпение. Много раз бессонными ночами он вставал со своего тюфяка и «шёл к постам авангарда, часами стоял рядом со сторожевыми, пристально созерцая огни Сарагосы. Не один раз рассвет заставлял его за таким занятием»¹⁰³.

Колонна «Дуррути»: структура



К этим волнениям прибавлялись другие, связанные с работой делегата колонны. Выслушивать жалобы крестьян, которые сетовали на поведение некоторых членов колонны в их сёлах. В сущности, таких случаев было крайне мало, но они составляли очевидный признак пороков, которые война порождает в солдатах, даже если они и "милисьянос". Когда имели место такие происшествия, он старался сделать выговор солдату в присутствии наибольшего числа людей, как метод заставить задуматься весь коллектив.

Но иногда дело не заканчивалось одним выговором. Однажды Дуррути встретил одного из делегатов центурии за пределами его сектора. На вопрос, что он там делал, тот ответил, что пятеро бойцов его центурии покинули посты и их разыскивали. Наконец людей обнаружили в соседней деревне, увлечённых распитием вина. Дуррути обратился к ним: «Вы осознаёте всю серьёзность вашего проступка? Вы не подумали о том, что фашисты могли бы пройти около поста, который вы оставили, и учинить расправу над вашими товарищами, которые доверили вам свою безопасность? Вы не достойны входить в ряды колонны, а также НКТ! Дайте мне ваши членские билеты!»

Задержанные сунули руки в карманы и отдали свои билеты. Это было полной неожиданностью для Дуррути:

«Вы не НКТисты, ни рабочие; вы — говнюки, и ничего, кроме этого! Из-за вас колонна теряет бойцов! Отправляйтесь по домам!»

Типы никоим образом не выказали беспокойства — напротив, их лица выражали удовольствие. Их поведение ещё больше возмутило Дуррути: «Знаете ли вы, что одежда на вас — народная собственность? Снимайте штаны!»

И в трусах их отвели в Барселону¹⁰⁴.

Дуррути, в силу его простодушного характера, обладал способностью переходить от состояния крайнего раздражения в самое полное спокойствие. Прибыв в Военный комитет, он попросил Мору позвонить в Барселону по телефону, так как хотел поговорить с Рикардо Сансом:

— Рикардо, ты знаешь, что в Сабаделе есть маленькая политическая партия, и она прячет в своём помещении восемь пулемётов? Я даю тебе сорок восемь часов для того, чтобы эти пулемёты были посланы мне... Послушай, пошли мне с ними и трёх агрономов¹⁰⁵.

Затем, к полному удивлению Мору, он повесил телефонную трубку, и, наверное, ещё больше удивился Рикардо Санс, который не понимал связи между пулемётами и агрономами.

В тот день Дуррути посетил ряд крестьянских коллективов, и все они пожаловались на нехватку технического персонала. Одни просили агрономов, а другие — техников для помощи в посеве новых культур. Ещё были жалобы о том, что наиболее способные активисты оставили хозяйство, чтобы пополнить ряды колонны. Дуррути записал имена активистов, записавшихся в колонну. Затем вызвал их на заседание Военного комитета. Когда они явились, сказал:

— Колонна не нуждается в ваших услугах.

Видя эффект его слов, произведённый на крестьян, он сменил тон и с улыбкой сказал:

— Речь не о том, о чём вы думаете. Я знаю: вы — хорошие бойцы. Мужественные и великодушные, но товарищи из ваших деревень затребовали вашего возвращения, они нуждаются в вас, чтобы продолжать начатое вами дело... Что останется от наших выстрелов, когда придёт конец войне? То, что вы делаете в ваших сёлах, намного важнее, чем убивать фашистов, потому что ваше дело разрушает буржуазную систему. А то, что нам удастся создать в этом смысле, будет тем единственным, что останется на страницах истории»¹⁰⁶.

Версия #1

Зверобой создал 19 июля 2025 01:18:31

Зверобой обновил 19 июля 2025 01:41:29